
Анна Мортлейн
Медведь
для неправильной эльфийки,
или Разденься для меня Лисёнок.
Я ВСЁ ЗНАЮ

Анна Мортмейн

Медведь для неправильной эльфийки

«Литнет»
2026

Мортмейн А.

Медведь для неправильной эльфийки / А. Мортмейн — «Литнет», 2026

Он — Пробудитель. Эльфийские пары нанимают его, чтобы он разжёг в них желание — единственный способ зачать ребёнка, когда их безупречные браки давно остыли.«Я повидал всякое, но этот заказ... Эта эльфийка… Она платит вдвойне, чтобы ее не видели. Ни имен, ни лиц, полная темнота. Впрочем, какое мне дело, когда я лучший из Пробудителей? Работа есть работа».Она — позор своего рода, неправильная эльфийка.«Меня называют пятном в нашем идеальном семейном древе. Фигуристая, эмоциональная, ещё и человеческая кровь во мне сильна. Мать сослала меня в глушь, подальше от брезгливых взглядов. Здесь я живу под чужой личиной. А в ту ночь я решилась... Вызвала Пробудителя, чтобы хоть раз почувствовать себя желанной».Теперь ему придётся нарушить главное правило договора и спросить наконец… … почему самая страстная эльфийка, какую он когда-либо встречал, так отчаянно пытается спрятаться?❤# Пробудитель/Мужчина по вызову ❤# Полная темнота / Анонимность ❤# Личина / Жизнь под чужой маской ❤# Он нарушит все правила ради неё ❤# Принять себя такой, какая есть ❤# «Неправильная» эльфийка ❤# Страсть как исцеление ❤# От контракта к «ты моя»Приятного чтения! Буду благодарна за ваши комментарии и лайки. Подписывайтесь и сохраняйте книгу к себе, чтобы вернуться к ней в любой момент!

© Мортмейн А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Цена нормальной жизни 5
Глава 2. Договор в день рождения 10
Глава 3. Во тьме можно быть собой 14
Глава 4. Ночь имеет свойство заканчиваться 18
Глава 5. Неожиданная новость 22
Глава 6. Вот мы и встретились при свете дня 26
Глава 7. Имя из прошлого 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Глава 1. Цена нормальной жизни

Вы когда-нибудь чувствовали себя не таким, как все? И не в хорошем смысле этого слова…

План на сегодня был прост: полить цветы, поработать в саду и сходить в лавку Лоррейн за провизией. С помощью магии я перенесла воду из колодца и разделила её на тонкие струйки, чтобы каждая капля нашла свой цветок. Никто не должен остаться обделённым.

Аромат сердечников сразу обволок меня. Эти нежные цветы в форме сердца пахли чем-то терпко-фруктовым, с лёгкими нотами сливок. Рядом цвела синеглазка — скромные белые лепестки вокруг ярко-синей сердцевины. Её запах был свежим и водянистым, будто стоишь у самого края прохладного ручья.

Я вдохнула поглубже, в последний раз махнула рукой, перекрывая поток воды, и довольно ухмыльнулась, уперев руки в бока. Отличная работа. Теперь в огород.

Моя мама с детства твердила, что я неправильная эльфийка. И волосы не те, и слишком эмоциональная. А когда я выросла… моё тело стало для неё последней каплей. Окончательным разочарованием. В итоге она приняла «милосердное» решение: купила мне этот домик в Ивентале — маленьком поселении на самой окраине наших земель. Подальше от столичных глаз и.. Подальше от неё.

Я на неё не обижалась. Честно. Ей, одной из Хранительниц столицы, и вправду было несладко. Представьте: безупречная карьера, высокая должность, уважение Совета… и такая дочь. Живое напоминание о том, что её собственная бабушка когда-то сошлась с человеком. Вот только отзвуки той старой страсти почему-то отдались не в её идеальной внешности, а во мне. В моих фиолетовых кудрявых волосах, в моих округлостях, в моей неспособности скрывать чувства. Так чья же это вина?

Проходя мимо зеркала, я бросила на отражение рассеянный взгляд и застыла на месте. О, нет. Мои и без того широкие бёдра и эта… выпуклая, до неприличия округлая пятая точка стали ещё выразительнее. Будто всё лишнее, от чего я годами пыталась избавиться диетами и изнурительными чарами, решило собраться именно здесь, в самом неподходящем месте. Никакие ограничения в питании, никакие светила-лекари не смогли это исправить. Все как один выносили вердикт, холодный и бесповоротный: «У вашей дочери генетический дефект, такая особенность строения. Это навсегда. Никакие диеты, никакая магия здесь не помогут». Фраза «генетический дефект» жгла сильнее любого пощёчины. Дефектная неправильная эльфийка. Я резко отвернулась от зеркала. Сегодня явно не тот день, когда стоит на себя смотреть.

Закончив с огородом, я быстренько ополоснула руки и умылась прохладной водой. Пора вызывать Личину.

Магическая Личина — заклинание не из простых. Сложная, многослойная иллюзия, требующая тонкого контроля и немалой силы. Не каждый эльф способен на такое. Видимо, раз уж обделили внешностью, магическим потенциалом боги меня решили наградили щедро. Пока я училась в лучшей академии столицы, это противоречие резало глаза моим сверстникам как нож. Уродливая, да ещё и сильная? Непорядок. Если бы не мама, её статус и её холодная, неоспоримая воля, то я бы наверняка стала вечной мишенью для насмешек и пакостей. Её авторитет был моим щитом. Иронично, правда? Та, кто в итоге от меня отвернулась, какое-то время была единственной, кто меня прикрывала.

Я подошла к старому зеркалу в прихожей, сделала глубокий вдох и собрала магию в кончиках пальцев, готовясь к ежедневному обману.

Насыщенные фиолетовые кудри с начали выпрямляться и светлеть, пока не слились в однородную массу гладких, золотистых волос, самый что ни на есть обычный, ничем не при-

мечательный эльфийский цвет. Глаза послушно сменили синеву на спокойную зелень — оттенок, который можно увидеть у каждого второго. Теперь самое сложное.

Я почувствовала, как магия сжимается вокруг меня, словно невидимый корсет. Грудь уменьшилась, будто из неё выпустили воздух, став скромной и практически плоской. Бёдра стали уже, талия выше. В зеркале росло отражение, вытягиваясь и стройнея на глазах. Цвет кожи с теплого персикового сменился на светлый, почти белый форфоровый тон. Легкая, знакомая тошнота подкатила к горлу — цена за столь радикальное переписывание собственного тела. И вот она. Типичная, ничем не примечательная эльфийка смотрела на меня из зеркала: идеальная, безликая, безопасная.

Надела платье нежно-зелёного цвета из струящейся ткани, довольно кивнула собственному отражению, схватила холщовую сумку и ринулась на улицу. Скорее, скорее купить лакомств для своих маленьких подопечных!

Утренний Ивенталь встретил меня привычной симфонией запахов. Пряный дымок из печной трубы соседа-гончара цеплялся за одежду, смешиваясь со сладковатой тяжестью перезрелых яблок из палисадника и вездесущим запахом влажной земли и хвои. Никаких изысканных благовоний столицы, здесь пахло жизнью, работой и лёгкой забытостью. Со двора доносился дробный стук топора и чьё-то бодрое посвистывание, кажется это старик Элрон колол дрова. Где-то дальше переругивались, споря о цене на шерсть. С высокой ели на краю посёлка доносилось пересвистывание птиц. Дорога под ногами была утоптанной, в рытвинах, бережно хранящих лужицы после недавнего дождя. Хоть бы не вляпаться в грязь. Домишки стояли кривовато, но крепко, из тёмного дерева, кое-где поросшего бархатистым мхом. Окна маленькие, ставни грубые, но на подоконниках уже красовались глиняные горшки с первой зеленью. Неухоженные палисадники буйствовали яркими огневиками и пышными зарослями собачьей мяты. Мимо, виляя грязным хвостом, пронеслась дворняжка, неся в зубах какую-то кость.

Соседи, занятые своими делами, приветственно кивали. Их взгляды скользили по мне, знакомой, но всё равно чужой эльфийке в аккуратном платье, и тут же возвращались к своим заботам. Здесь моя Личина была нужна не для того, чтобы скрыть уродство. А чтобы вписаться в этот простой, но чёткий уклад, где у каждой вещи и каждого существа было своё, понятное место. Моё же настоящее место всё ещё висело в воздухе, как нерешённый вопрос.

Я ускорила шаг, направляясь к нарастающему шуму и оживлению рынка у старой ратуши. Лоррейн уже ждала меня. Когда я только переехала сюда, у меня не было ни одной знакомой души, и эта седая, морщинистая человечка стала моей первой и, пожалуй, единственной настоящей подругой. Именно она провела меня по всем улочкам Ивенталя, показала, где что купить, а главное — помогла втереться в доверие к местным, которые смотрели на любых незнакомцев с открытым подозрением. Она же подсказала, как превратить моё умение ладить с животными в работу, которая хоть как-то кормила.

— А вот и ты, Ваниэль! Только тебя и ждала, — её хрипловатый голос прозвучал, как самое тёплое приветствие. — Я отложила несколько вкусняшек для твоих зверьков, забегай скорее, пока Мурлок со своими гончими всё не смел.

— Спасибо, тётушка, — я обняла её за покатые плечи, прижимаясь щекой к грубой ткани её фартука. Я давно обращалась к ней как к родной, ведь она сделала для меня больше, чем вся моя столичная родня. А она в ответ лишь хрипло усмехалась и гладила меня по спине костлявой, но удивительно тёплой ладонью.

У неё никого не осталось: ни мужа, ни детей, ни внуков. Её собственная история растворилась в пыли этих дорог. Поэтому я и стала для неё всем разом: и навязчивой дочкой, и нерадивой внучкой, и тем единственным существом, ради которого стоило откладывать лучшие кусочки с прилавка для каких-то больных зверушек.

— Не за что, дитятко, — прошелестела она, отстраняясь и заглядывая мне в глаза. — Пойдём, покажу, что припасла. У меня тут и сушёная рыба для хищников твоих есть, и орешки для грызунов...

Счастливо улыбнувшись, я проследовала за ней в глубь небольшого, пахнущего травами и дымком домика.

— Ну как ты, рассказывай как ты, не видела тебя почти неделю! — недовольно буркнула Лоррейн, ловко собирая продукты в мою сумку. Её движения были резкими, но в них сквозила давно знакомая забота.

— Прости, тётушка. Работы было столько, что сил хватало лишь на то, чтобы прийти, умыться, что-то перехватить и рухнуть в кровать. И так по кругу.

— Бедная моя Вани, — её голос смягчился. — Как же так вышло-то?

— Обвал случился, — вздохнула я, прислонившись к притолоке. — Рядом с главной дорогой из столицы. Там караван вёз животных для выпуска в природу, численность восстанавливали. Повезли, недоглядели… Попали прямо под камнепад. Множество зверей пострадало. А мы — ближайшее место, куда их удалось довезти. Вот и работы прибавилось… убирать последствия чужих ошибок.

В голосе моём прозвучала горечь, которую я не смогла сдержать. Лоррейн на мгновение замерла, потом кивнула, понимающе хлопнув по краю мешка.

— Эх, дитятко… Мир-то, он и впрямь частенько ломается. Хорошо, что есть такие, как ты, кто чинить его берётся. На, держи. И для себя что-нибудь вкусное захвати, не всё же на зверьков работать.

— Спасибо большое, — сказала я, и рука сама потянулась к свёртку с сушёными долями амарны. Это был местный крупный плод, с нежной, серебристо-розовой кожицей. Свежий он таял во рту, как облако, но сушёный... это было совсем другое дело. Ломтики становились упругими и волокнистыми, жевались долго, с сопротивлением, и в этом была своя прелесть. Вкус из ярко-тропического превращался в глубокий, концентрированный — сладость карамелизованного мёда с лёгкой, освежающей кислинкой где-то на послевкусии, словно отдалённое воспоминание о соке, что когда-то буйствовал в этих волокнах.

— Вот, и это возьми, не упрямься, — тётушка сунула мне в ладонь ещё один свёрток, потуже. — Это для тебя, чтобы силы берегла. И не гримасничай — знаю, что будешь зверям отдавать. Хоть кусочек-то себе оставь!

— Хорошо, — с покорной улыбкой взяла я переполненную сумку и тут же отпустила в неё небольшой импульс магии. Под ладонью холщовая ткань, излучающая тяжесть, которая грозила оттянуть плечо, в миг растаяла, оставив лишь удобный вес. Иначе бы просто не донесла, тётушка, как всегда, наложила с горкой.

Попрощавшись тёплым взглядом, я вышла на улицу и направилась к «Убежищу». Мысленно я уже была там, среди запаха трав и тихого страха в глазах тех, кого сегодня предстояло спасать. Зашла в главный дом и поприветствовала Илдриэль, такую же целительницу, как и я. Она лишь скользнула по мне ледяным взглядом и кивнула, даже не замедляя шага, пошла дальше по коридору. Илдриэль, как и всегда, была холодна и безупречна. Впрочем, эта холодность была нормой для эльфов… чего не скажешь обо мне.

Зашла в комнату для сотрудников, пахнущую старой древесиной и целебными мазями, накинула простой льняной халат и туго убрала волосы в низкий хвост, чтобы не мешались. Быстренько рассортировала лакомства по жестяным тарелкам, которые в обед будем раздавать всем пушистикам. Вдруг дверь скрипнула, и в комнату, внося с собой запах конюшни и свежескошенной травы, вошёл Леннард. Человек, один из немногих, кто работал здесь постоянно, а не наездами. Широкоплечий, с руками, привыкшими к тяжёлому труду, и с лёгкой ухмылкой на обветренном лице.

— Опять на весь свой скромный заработок лакомств для животных набрала? — спросил он, прислонившись к косяку. В его голосе не было насмешки, только знакомое, чуть грубоватое любопытство.

— Да, — иронично переспросила я, не отрываясь от раскладки. — На что мне ещё тратить деньги?

— Есть много вещей… — начал Леннард, но ему не дали договорить.

В комнату, нарушая утреннюю рутину, буквально вбежал Эларон — главный лекарь и основатель «Убежища». Его обычно бесстрастное лицо было напряжено, тонкие брови сдвинуты.

— Вани, ты уже пришла, отлично! Посмотри Мистера Задиру, кажется, ему стало хуже.

Не успел он договорить, как я уже рванула в сторону дальнего вольера. Мистером Задирой его прозвали между собой работники. Этот зверёк, похож на змею с короткими, цепкими лапами и густым оперением вдоль гибкого хребта, и не подпускал к себе никого, кроме меня. Остальных встречал шипением и молниеносными укусами, а его острые, почти пернатые уши прижимались к черепу в немой угрозе. К нам он попал из того обоза, который попал под обвал.

Я добежала до его вольера и, не раздумывая, распахнула дверцу. Задира лежал на своей соломенной лежанке, свернувшись в тугой, дрожащий клубок. Его бока неровно вздымались, дыхание было частым и поверхностным, прерываясь короткими, жалобными поскуливаниями.

— Что с тобой случилось? — прошептала я, опускаясь на колени рядом.

Лихорадочно ощупывая его горячее, покрытое перьями и чешуйками тело, я пыталась понять. Вчера он ещё шипел и норовил укусить за палец, а сегодня… Я запустила сканирование — тонкие нити диагностической магии поползли внутрь, ища сбой. Я нашли, инфекция. Яркое, ядовито-зелёное пятно гноящегося воспаления глубоко в тканях, у самого позвоночника. Но откуда?! Раны были залечены, всё чисто… Ничего не понимаю. И такая серьёзная, стремительная болезнь.

— Держись, — пробормотала я себе и ему одновременно.

Первый этап: очищение. Я собрала силу в ладонях, сфокусировав её в точку ослепительно-белого, почти болезненного света — магии очищения. Приложила к источнику заразы. Под пальцами его тело дёрнулось, раздалось короткое шипение — инфекция сопротивлялась, сжигаясь. Пахло озоном и горелой плотью. Я влила в него всю свою волю, всё своё умение, пытаясь выжечь эту гадость дотла.

Второй этап: восстановление. Когда ядовитое пятно наконец потухло, осталась ужасающая пустота — мёртвая, обугленная ткань, а вокруг ослабленный, на грани коллапса организм. Теперь нужно было дать сил, запустить процессы заживления. Я переключилась, сменив жгучую белую магию на тёплый, золотистый поток жизненной силы. Вливала её в него, как воду в высохшую землю, молясь, чтобы он отозвался.

Но организм не справлялся. Он был слишком слаб. Силы утекали, как песок сквозь пальцы, не задерживаясь, не запуская цепной реакции исцеления. Мне нужно было больше. В два раза больше. Я собралась, чтобы выжать из себя последние резервы, отозвать магию даже от… но было поздно.

Причина краха: значительная часть моей силы уходила на поддержание Личины. На то, чтобы грудь оставалась плоской, а бёдра узкими. На этот проклятый, вечный обман. В решающий момент мне просто не хватило чистой, неразбавленной магии жизни, чтобы дать ему тот последний, отчаянный толчок к выживанию.

Его дыхание стало реже. Медленнее. Глаза, обычно такие яростные, потускнели и смотрели куда-то сквозь меня. Я чувствовала, как под моими ладонями затихает крошечное, бьющееся против всего мира сердце, и замирает.

Я сидела на коленях в гнетущей тишине, когда в вольер вошёл Эларон. Его шаги были быстрыми, но чёткими. Взгляд скользнул по мне, по неподвижному тельцу, и в его обычно бесстрастных глазах мелькнуло что-то похожее на усталую горечь.

— Ваниэль, — его голос прозвучал неожиданно мягко, без привычной ледяной отточенности. — Не вини себя. Это не твоя ошибка.

Я подняла на него взгляд, не в силах вымолвить слова.

— Вчера, когда тебя не было, он укусил Леннарда, — продолжил Эларон. — Леннард как раз обрабатывал раны той искалеченной клювокрылки из обоза. Скорее всего, на его руке была кровь. Задира подхватил её болезнь: стремительную гниль. Мы не успели это отследить.

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в оцепеневшее сознание.

— Ты сделала всё, что могла. Больше, чем кто-либо другой смог бы. Без тебя он бы мучился всю ночь, но ты дала ему покой.

Это была констатация факта. В его словах не было осуждения. Была лишь усталая тяжесть ответственности, которую все мы несли здесь, в этом месте для лечения слабых животных, не способных позаботиться о себе.

Он вышел, оставив меня наедине с тишиной и с горьким осознанием: иногда всего твоего мастерства, всей твоей силы, даже отданной без остатка, просто… недостаточно. А часть этой силы так и осталась заперта в ненавистной Личине, которая сейчас давила на рёбра, напоминая о своей цене.

Глава 2. Договор в день рождения

Остаток дня прошёл в тумане. Мои руки выполняли работу автоматически: меняла повязки, заготавливали корм, вливали микстуры. Но всё это было пустым, лишённым самого главного — теплоты. Обычно мои прикосновения успокаивали даже самых испуганных зверей. Сегодня я была просто механиком, ремонтирующим сломанные тела. Я прошла мимо вольера с клювокрылкой — той самой, чья кровь стала ядом для Задиры. Существо с перебитым крылом безразлично наблюдало за мной пустым взглядом. Раньше я попыталась бы заговорить с ним, успокоить. Сейчас я лишь молча проверила повязку и двинулась дальше.

Леннард ловил мой взгляд. В его карих, человеческих глазах было не эльфийское безразличие, а понимание. Он видел мою потерю. Один раз он молча протянул мне тяжёлое ведро с водой, которое я собиралась нести, и кивком указал на следующего пациента. После принёс чашку терпкого травяного чая и поставил на стол рядом, даже не пытаясь заговорить. Его молчаливая поддержка была как грубый, но тёплый плащ, наброшенный на плечи в стужу и от этого хотелось плакать ещё больше.

Внутри вихрилась одна и та же мысль, отточенная и острая, как лезвие: «Не хватило. Моей силы не хватило. Я отдала всё, что могла, но этого было недостаточно. Потому что часть меня всегда отдана лжи».

Каждый раз, проходя мимо зеркала в коридоре, я видела в нём не своё отражение, а образ Задиры, в последний момент, когда свет в его глазах погас. И тонкая, невидимая нить магии Личины на моём теле вдруг ощущалась как удавка.

Когда последние сумерки растворились в чёрной гуще ночи, а последнее фырканье в вольерах затихло, я скинула халат. Я не попрощалась ни с кем. Просто вышла за ворота «Убежища» и побрела по тёмной, пустынной дороге к своему дому.

Дверь захлопнулась с тихим, окончательным звуком. Тишина. Только моё собственное прерывистое дыхание нарушало её. Я стояла посреди своей маленькой, тёмной прихожей, и давление, копившееся весь день, всю жизнь, наконец нашло выход. Сначала это был просто судорожный выдох. Потом дрожь в коленях. Потом предательская влажная теплота на щеках. Я не стала сдерживаться. Схватилась за косяк двери, пальцы впились в дерево, и я разрыдалась. Не тихими эльфийскими слезами, а рыданиями, выворачивающими душу наизнанку. Горло сжимали спазмы, по лицу текли горячие, солёные потоки, смывая пыль рабочего дня и… маскировку. Магия Личины, и так истощённая, под давлением чистой, дикой эмоции дрогнула и потускнела на краях. Я чувствовала, как волосы на висках вернули свой истинный цвет, как силуэт в темноте обретает прежние, пышные очертания — мои настоящие.

Я плакала о Задире. О его маленьком, колючем, яростном сердце, которое билось до конца. Я плакала о своей силе, которую не смогла полностью использовать. Я плакала о матери, чьё лицо в памяти было холодным и разочарованным. Я плакала о своей одинокой, неправильной жизни в этом домике на краю света, где единственной родной душой была старая человечка-лавочница. Я стояла, опираясь о косяк, когда рыдания наконец начали стихать, сменяясь пустой, оглушающей тишиной. Я чувствовала себя опустошённой. И… стало немного легче. Как будто из меня вытекло что-то ядовитое, что годами копилось внутри.

Я подняла голову. В темноте прихожей тускло серебрилось старое зеркало. Личина спала, оставив после себя лишь слабое, зудящее ощущение на коже, будто после долгого ношения тесной одежды. Я медленно подошла и посмотрела на своё отражение при лунном свете, пробивавшемся в окошко.

Настоящее. Распухшие от слёз глаза, нос красный, кожа блестит от влаги. И это лицо, не холодная маска эльфийской аристократки. Мягкие, слишком выразительные черты. И волосы:

беспорядочные, вьющиеся фиолетовые волосы, которые мать так ненавидела. Они выбивались из ослабевшего хвоста, как языки живого пламени в лунном свете.

И тут, глядя на эту заплаканную, неидеальную версию себя, я вспомнила кое-что важное. Сегодня мой день рождения. Не тот пышный, холодный приём, что мама устраивала для вида в столице. А настоящий. День, когда я появилась на свет такой неправильной, такой эмоциональной. День, который стал для неё не праздником, а днём начала позора.

Никто не поздравил. Никто не вспомнил. Лоррейн, наверное, и не знала. Леннард… даже если бы знал, вряд ли бы решился. А мама… я даже не представляла, вспомнила ли она. И если да, то с какими мыслями. Горькая, ироничная улыбка скривила мои губы. Идеальный финал для идеального дня. Потерять того, кто тебе доверял, и осознать, что в твой собственный день рождения ты настолько одинока, что даже ни одно живое существо не скажет тебе доброго слова.

Я повернулась от зеркала, и взгляд упал на комод, где в дальнем ящике лежала… та самая безделушка. Медная монетка с дырочкой, которую однажды, ещё в академии, мне дал один полукровка-сторож. «На чёрный день, — сказал он с кривой усмешкой. — Всё, что гложет изнутри, рано или поздно требует выхода. А эта штука поможет этот выход найти. Дорого, но без лишних вопросов».

Я тогда не поняла. А сейчас… Одиночество. Неудача. Ненависть к этой Личине, которая съедала мою силу. Тоска по простому теплу. По прикосновению, в котором не будет осуждения, сожаления или профессиональной холодности Эларона.

Я подошла к комоду, открыла ящик. Монетка лежала там, тусклая и невзрачная. Я взяла её в ладонь. Она была гладкой и холодной.

«Всё, что гложет изнутри, рано или поздно требует выхода».

Мой выход был в темноте. В анонимности. В одной-единственной ночи, где я могу быть просто женщиной. Не Ваниэль-целительницей, не уродливой эльфийкой, не разочарованием матери.

День рождения. Какая чудесная дата, чтобы подарить себе одну ночь забытия.

Я сжала монетку в кулаке и потянулась к маленькому ящичку, где хранила скудные сбережения. Знания о том, как это сделать, витали в воздухе Ивенталя, как сплетни. Достаточно было прислушаться. Сердце колотилось где-то в горле, но руки действовали на удивление чётко, будто это была ещё одна лечебная процедура, только для самой себя. Я высыпала монетки из кошелька на стол. Их оказалось больше, чем я думала, сказались месяцы экономии на всём, кроме еды для зверей. Деньги на мужчину. Горькая ирония снова кольнула меня.

Я взяла одну из медяшек, самую гладкую, и зажала между ладоней. Магия во мне, уставшая и растрёпанная после срыва Личины, встрепенулась. Это был не сложный ритуал — скорее примитивный вызов, сигнал в общую безликую сеть «услуг». Его показывали нам в академии на курсе по бытовой магии столицы, как диковинку, с презрительной усмешкой: «На случай, если кому-то из вас понадобится… компаньон на одну ночь».

В нашем мире это не было чем-то из ряда вон. Слишком уж многие эльфийские браки, идеальные на вид, были холодны внутри. Когда безупречные супруги годами не могли зажечь в друг друге даже искры желания, необходимой для зачатия, на помощь приходили они — Пробудители. Мужчины с особой, «горячей» кровью, магией или просто талантом разжигать чужие чувства. Для нашего вымирающего народа это была суровая, но принятая необходимость, почти медицинская процедура. Без неё наша раса давно бы сошла на нет. Я слышала, как наставники говорили об этом с холодной, клинической отстранённостью, будто обсуждали метод опыления растений, но я вызывала не Пробудителя для пары и не для зачатия. Я вызывала мужчину по вызову. Для себя. В полную темноту. Это был уже не акт продолжения рода, а чистый, личный, отчаянный эгоизм.

Я представила не конкретное лицо, а суть: силу, тепло, анонимность. И страсть — не холодную, эльфийскую, а настоящую, животную, ту, что так пугала моих сородичей. Свой импульс, окрашенный этим отчаянным желанием, я вложила в монету. Металл на миг стал тёплым, почти живым, и на его поверхности проступил тусклый, мерцающий символ — переплетённые кольца, знак связи и молчаливого договора.

Теперь условия. Я сосредоточилась снова:

— Тёмная комната. Никаких огней или света;

— Ни имён, ни лишних слов. Только шёпот, если понадобится;

— Только на одну ночь;

— Оплата сразу. Чтобы потом не видеть лица;

Я вложила эти правила в магический контракт, и монета на миг ярко вспыхнула, обжигая ладони, а затем погасла, став просто куском металла с едва заметной меткой. Готово. Вызов отправлен.

Я положила монету обратно на стол, рядом с остальными деньгами — платой. Руки дрожали, но это была не дрожь страха, а что-то другое. Лихорадочное, рискованное, живое. Я погасила единственную свечу в комнате и погрузилась в абсолютную тьму. Осталось только ждать.

И в этой темноте, без личины, без имени, я наконец позволила себе желание. Неопределённое, пугающее и пьянящее. Желание, чтобы кто-то пришёл. Чтобы кто-то в этой тьме захотел меня — не глазами, а кожей, дыханием, животным чутьём. Такой, какая я есть.

Время в кромешной тьме тянулось иначе. Оно густело, становилось осязаемым, как тёплый воздух перед грозой. Я прислушивалась к каждому шороху: к скрипу половиц, к удару собственного сердца. И тогда я почувствовала ответ.

Это была вибрация в самой магии, что висела в воздухе комнаты, лёгкий, отточенный щелчок, будто невидимый замок принял ключ. Монета на столе издала короткий, почти неслышный звон, высокий и чистый, как удар хрусталя. Контракт был принят. Условия — одобрены.

Кто-то согласился прийти в полную тьму к незнакомке, не задавая вопросов. Меня охватила странная смесь паники и ликования. Он скоро будет здесь.

Я вскочила и засуетилась в темноте, натыкаясь на знакомые углы. Подготовка. Я должна была подготовить… что? Себя, место и, наверное, атмосферу.

Я провела рукой по столу, отодвинула стул, чтобы он не стал помехой. Проверила, лежат ли деньги ровной стопкой там, где их будет легко найти на ощупь. Оплата сразу, чтобы не было неловкости потом. Приоткрыла окно, в комнату вплыл ночной воздух, пахнущий хвоей и цветочными ароматами. Я скинула платье, оставшись в тонкой, прохладной сорочке — последней грани между мной и тем, что должно было случиться. Расчесала пальцами спутанные после слёз волосы, вдохнула поглубже, пытаясь унять дрожь в руках. Никакой Личины. И снова села в кресло у стола, в темноте, сложив руки на коленях, чтобы они не дрожали. Теперь оставалось только ждать. Прислушиваться к шагам на утоптанной дороге, к скрипу калитки. Мой слух обострился до предела. Каждая секунда растягивалась в долгую пытку.

Я сидела в темноте и думала только об одном: «Пусть он не разочаруется. Пусть в этой тьме я буду для него достаточно желанной».

И тогда раздался стук. Тихий, но отчётливый. Он был уже здесь. Магия контракта провела его сквозь внешние стены прямо к месту вызова.

Всё внутри меня оборвалось и замерло. Сердце подпрыгнуло в груди, перекрывая дыхание. Я могу не открывать. Мысль пронеслась, ясная и леденящая. Я могу не шевелиться или сделать вид, что сплю, что передумала. Магическая связь ещё тонка, он уйдёт. Деньги останутся при мне, позор — тоже, но внутри. Никто не узнает. Это последний шанс остаться в безопасности своего одиночества. Но одиночество сегодня убило Задиру. Одиночество годами пожирало меня изнутри...

Я поднялась. Ноги были ватными, но несли меня к источнику звука. Каждый шаг отдавался в тишине громче стука. Ладонь, холодная и липкая, легла на дверную ручку. До чего же ты докатилась, Вани.

Я повернула ручку и отворила дверь в кромешную, непроглядную тьму, за которой стоял Он.

Глава 3. Во тьме можно быть собой

Он стоял на пороге, и даже в полной тьме было ясно, он не вписывается. Не в дверной проём (хотя его плечи, казалось, касались косяков), а в саму ткань привычного мира. Он был на голову выше самого высокого эльфа, которого я знала. Его силуэт был не изящным, а мощным: широкие плечи, сужающиеся к талии, крепкая шея, держащая голову с вызывающей прямотой. Я не видела черт, но ощущала их тяжесть. Тяжёлый подбородок, твёрдый скулы, нос, который, вероятно, был скорее широким, чем изящным. А волосы… они падали густой, немного небрежной волной, ускользая за плечи, и на ощупь, мне кажется, были бы жёсткими, как конская грива. Но главное было не в размере. А в сочетании: в нём читалось и эльфийское, в плавности, с которой он, несмотря на массу, вошёл, в тишине его шагов. И что-то радикально иное, в ширине ладони, мелькнувшей в темноте, когда он прикрыл за собой дверь. В том, как он дышал: глубоко, размеренно, как зверь в зимней спячке. В запахе, который принёс с собой: не цветы и не магия, а смола, мокрая шкура, тёплая земля и железо. Запах территории, силы и простой, неприкрытой мужественности.

Этот запах ударил в меня, как физическая сила, но не оттолкнул. Напротив. Вся моя уставшая, зажатая в тиски приличий сущность потянулась к нему. К этой первозданности. Моя собственная «неправильная», слишком живая кровь отозвалась на его присутствие глухим, стыдным жаром где-то в основании живота. В нём не было ни капли той холодной совершенности, что так ценилась среди моих сородичей. И именно поэтому он казался мне в тысячу раз реальнее и желаннее всех их, вместе взятых.

Он был воплощением всего, чего мне не хватало и чего я боялась. И стоя перед ним в темноте, я впервые за долгие годы не чувствовала себя уродливой.

Теперь мы оба были в полной темноте моей гостиной, но в этой тьме он был осязаем. Я слышала его тихое, ровное дыхание. Чувствовала, как воздух смещается, когда он поворачивал голову, осматриваясь без помощи глаз. В нём было странное сочетание — дикая, звериная грация в каждом движении и какая-то… сдержанность. Осторожность хищника, который не хочет спугнуть добычу.

— Условия приняты, — прозвучал его голос. Низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой, будто от долгого молчания или рычания. В нём не было ни услужливости, ни плохо скрытого презрения. Была спокойная констатация факта. — Тьма. Без лишних вопросов. Одна ночь.

Он сделал шаг в сторону стола, движение было удивительно бесшумным для такого крупного мужчины. Я услышала лёгкий звон монет, которые он, должно быть, проверил кончиками пальцев. Условие об оплате было выполнено.

Потом он повернулся ко мне. Я не видела его глаз, но ощутила взгляд: тяжёлый, внимательный, изучающий. Хотя было темно и я специально создала завесу магией, чтобы он не смог точно ничего рассмотреть, всё равно мне казалось, что он видит меня насквозь.

— Ты дрожишь, — констатировал он. Это не прозвучало как вопрос или упрёк, но я все равно занервничала.

— Холодно, — солгала я, хотя по мне разливался жар.

— Нет, — он мягко парировал, и в его голосе впервые прозвучала едва уловимая, тёплая нота. — Не холодно.

Страх отступил, сменившись чудовищным, всепоглощающим любопытством и предвкушением. Он сделал ещё шаг, сокращая дистанцию, его тепло стало физически ощутимым.

— Контракт подписан, — прошептал он, и его дыхание коснулось моей щеки. — Но если передумаешь… если захочешь, чтобы я ушёл — скажи. Одно слово. Любое.

Это был последний предохранитель. Последняя лазейка. Я промолчала и в темноте медленно, почти неверя себе, качнула головой: «Нет».

Он не заставил себя ждать. Один его шаг вперёд и я уже не стояла на полу. Его руки, огромные, твёрдые и в то же время невероятно аккуратные, обхватили меня. Одна легла под колени, другая вокруг спины. Он поднял меня, как пёрышко, без единого усилия, прижал к груди, где билось ровно и мощно сердце этого мужчины. Я обвила его шею руками, вжавшись лицом в пространство между ключицей и челюстью, ощущая этот пьянящий запах дикости и безопасности. И теперь, держа меня на руках, он наклонил голову так, чтобы его губы оказались в сантиметре от моего уха. Его шёпот обжёг кожу, как касание раскалённого металла.

— А где здесь спальня, твоя?

Он резко, почти невесомо развернулся и быстрыми, уверенными шагами понёс меня в указанном направлении. Темнота, казалось, была для него родной стихией: он не споткнулся, не задел стену, двигаясь с присущей ему звериной грацией.

А я… я оказалась впервые в жизни на руках у мужчины. Не просто рядом, а прижатой к массивной, тёплой груди, где каждое движение мышц отзывалось под моими ладонями. Я взволнованно, часто дышала, и каждый вдох был наполнен его густым, лесным запахом. Ощущение чужой, живой кожи под тонкой тканью моей сорочки было оглушающим. Столько запретного.

Он вошёл в спальню, безошибочно нашёл кровать и опустил меня на прохладное льняное покрывало с бережностью, которой я никак не ожидала от такого исполина. Матрас мягко подался под моим весом. Он выпрямился, и я почувствовала, как его взгляд снова скользнул по мне в темноте.

— Где супруг?

Вопрос ударил, как обухом. Глупая, глупая, безнадёжная дура! Конечно! Пробудители приходят к парам. Чтобы разжечь угли в холодном брачном очаге, а потом уйти, оставив супругов наедине друг с другом. Я же вызвала его как… как проститута.

— Его… нет, — выдохнула я, и изменённый магией голос прозвучал жалко и фальшиво. Горячая волна стыда накрыла с головой, щёки вспыхнули, хорошо что в темноте этого было не видно.

— В смысле, нет? — в его низком голосе впервые появились нотки растерянного непонимания. — Ты вызвала меня для зачатия же?

— Нет…

В темноте повисла гнетущая тишина. Она давила на уши, густела между нами. Я слышала, как скрипнуло дерево, должно быть, он слегка отступил или просто сжал кулаки.

— А ты знала, — начал он медленно, тщательно подбирая слова, — что то, для чего ты меня вызвала… это другое. Пробудители не оказывают подобных услуг. Мы лишь руками и магией пробуждаем желание в эльфийках. А всё остальное — это уже прерогатива супруга.

От стыда и паники у меня начало кружиться голова. В ушах зазвенело. Я ничего не знала! Никто не объяснял мне тонкостей этого грязного ремесла! Я думала… я думала, что раз он «по вызову», то…

— Так ты… можешь помочь мне с… возбуждением, но без мужа? — пролепетала я, сгорая заживо от собственной наивности.

Господи, что я несу? Он наверняка считает меня полной идиоткой. Или извращенкой. Я зажмурилась в темноте, готовая к тому, что он сейчас развернётся и уйдёт, забрав мои деньги и оставив меня наедине с этим унизительным провалом.

— Ладно, — его голос прозвучал не как капитуляция, а как решение, принятое после мгновенной, но жёсткой внутренней борьбы. — Сделаю исключение в этот раз, но что потом? Когда ты будешь метаться здесь в огне, не зная, куда деть желание?

— Я… как-нибудь разберусь сама, — прошептала я, цепляясь за последние крупицы достоинства. — Мне нужно… лишь немного внимания. Мне слишком одиноко в мой день рождения.

Слова сорвались сами, обнажив рану. Я тут же пожалела о них, но было поздно. После недолгой, тяжёлой тишины он выдохнул — долгий, смиренный звук. И я почувствовала, как матрас рядом со мной прогнулся под его весом. Неужели…

— Хорошо, — тихо, почти беззвучно согласился он.

И в следующее мгновение его губы обрушились на мои. Это не было нежным прикосновением, скорее это было завоевание. Губы его были полными, немного шершавыми, но невероятно тёплыми и… уверенными. Его поцелуй был глубоким, властным, лишённым всякой эльфийской церемонности. Он захватил моё дыхание, мой разум, заставив всё внутри сжаться в тугой, трепещущий комок, а потом расплавиться.

Я вскрикнула в его губы от неожиданности и тут же неумело ответила — инстинктивно, отчаянно, забыв про всякий стыд. Мои руки вцепились в его плечи, пальцы впились в плотную ткань рубахи. Трепет пробежал по коже, как электрический разряд, и собрался где-то глубоко внизу живота, превращаясь в пульсирующий, сладкий жар. Я была готова, возбуждена до дрожи за один лишь миг, за один этот поцелуй, который сжёг все барьеры. И он… остановился. Отстранился всего на несколько сантиметров. Его дыхание, теперь сбитое и горячее, обжигало мою кожу.

— Что?.. — сорвался с его губ хриплый, недоуменный шёпот, полный искреннего изумления. — Ты уже… Но как?.. Обычно, чтобы эльфийка хоть чуть-чуть оттаяла, нужны часы магии, ласк… — Он умолк, будто заново осознавая, с кем имеет дело. Его пальцы, лежавшие на моей талии, слегка сжались, впиваясь в плоть через тонкую ткань, не причиняя боли, но заявляя право. — Кто ты такая?

— Я эльфийка, но есть человеческая кровь, — прошептала я, задыхаясь от переизбытка чувств, от этого внезапного пространства между нашими губами, где бушевало его недоумение.

— Ты бы могла найти обычного мужчину, зачем тебе Пробудитель?

— Всё сложно…

Его рука прикоснулась к моему лицу, провела нежно от лба до скулы, затем большим пальцем обрисовала всю длину моего вытянутого уха — медленно, с любопытством, будто изучая незнакомый цветок. От этого простого касания по спине пробежали мурашки. Потом его пальцы спустились к моим губам. Большой палец провёл по нижней губе, оставив после себя невидимый ожог, от которого я инстинктивно лизнула кго кожу. Он вздрогнул и задышал тяжелее.

Его рука двинулась дальше — скользнула по шее, лаская её, и замерла, нависнув над грудью, не касаясь. Тепло от его ладони было почти осязаемым.

— Можно?

Вопрос застал врасплох. Его невесомые, исследующие прикосновения разжигали во мне такое желание, что я забывалась, словно изголодавшееся животное, пьянея от каждой ласки. Кажется, он хотел спуститься ниже…

И тут страх отрезвил. А что, если ему станет противно? Если он коснётся этих моих неправильных, слишком пышных форм и… отшатнётся? Я этого не вынесу, но если он уйдёт сейчас из-за моего отказа — я сойду с ума от этого незавершённого, пылающего напряжения.

— Можно, — чётко ответила я, замирая и еле дыша.

Его правая рука опустилась на мою грудь и сжала. Кажется, даже в его огромной, широкой ладони она не помещалась целиком. Он накрыл её, как будто проверяя форму, вес, реальность. Его пальцы обхватили податливую плоть. И тут он втянул воздух — резко, со свистом, будто получил удар. Я замерла, ожидая отторжения, готовясь к тому, что он отстранится. Вместо этого его левая рука обхватила вторую грудь, зажимая её в ладони, уже не исследуя, а с каким-то… жадным удивлением. В его прикосновении не было ни брезгливости, ни холодной оценки. Была какая-то напряжённая, почти неверующая сосредоточенность, как если бы он нащупал в темноте нечто, чего никак не ожидал найти.

Стон сорвался с моих губ, низкий и вибрирующий. Как же это было сладко и страшно. Сладко от самого прикосновения, от тяжести его рук, от того, как его пальцы впивались в плоть. Страшно, потому что я не понимала, что значит эта его внезапная остановка, этот сдавленный вздох.

Его рука скользнула ниже, едва касаясь кожи, как перо, проведя по животу, а затем обхватив изгиб талии. От этого простого, но такого властного прикосновения по всему телу побежали приятные мурашки. Никто, никогда не касался меня так — не по-дружески, а как… желанной женщины.

Затем он спустил ладонь к бёдрам. К этим широким, отвратительным, неправильным бёдрам. Я затаила дыхание, жду, когда его пальцы отшатнутся. Вместо этого я почувствовала, как матрас прогнулся под его коленями — он раздвинул мои ноги и сел между ними, заняв пространство с той же естественной уверенностью, с какой занимал место в дверном проёме. Теперь он был надо мной, его тепло и вес нависли, заключив меня в клетку из собственных конечностей.

И только тогда его руки снова обрели цельность. Они обхватили меня за бёдра, большие пальцы упёрлись в чувствительную внутреннюю поверхность. Его хватка была твёрдой, почти грубой и он притянул меня к себе, ближе, стирая последние сантиметры расстояния. И тогда, в этом новом, интимном соприкосновении, я почувствовала его. Твёрдый, горячий, массивный бугор в самой чувствительной части моего тела, там, где тонкая ткань сорочки была единственной преградой. Он был огромным, пульсирующим, реальным.

Неужели… он возбудился? От меня? От моего уродливого, неэльфийского тела? Мысль была настолько невероятной, что я застыла, не в силах даже выдохнуть. Вся моя вселенная сузилась до этого единственного ощущения — его желания, упирающегося в моё естество.

— Не понимаю, — его голос, окрашенный желанием, звучал совсем иначе, низкий тембр был хриплым, и каждый звук его прерывистого дыхания отдавался эхом в самой сокровенной сути моего естества. — Внешность эльфийская, шрамов или каких-то недостатков я не ощутил. Фигура у тебя… шикарная. И такая редкая. Так почему ты не можешь найти мужчину, а вызываешь Пробудителя, который даже не может дойти с тобой до конца?

Его слова, пропитанные искренним недоумением и собственным напряжением, пронзили меня острее любого прикосновения. Моя фигура шикарная и редкая? Эти слова повисли в воздухе, такие чужеродные, что я не сразу смогла их осознать.

— Всё не так просто… — прошептала я, чувствуя, как подступает комок к горлу. Как объяснить целый мир презрения, холодных взглядов, разочарования матери? — Есть много факторов, которые идут против меня…

— Ладно, — он выдохнул, и в его голосе прозвучала нетерпеливая покорность. — Перестану мучить тебя… и себя.

Только он закончил, как снова накрыл мои губы своими, но на этот раз поцелуй был другим, нежным, исследующим. Он водил губами по моим, слегка покусывал, заставляя вздрагивать, а потом снова смягчал натиск, давая передохнуть. Это было медленное, методичное завоевание, куда более опасное, чем первый яростный штурм. Каждым движением он будто спрашивал: «Кто ты? Что скрываешь?» И каждым ответным вздохом, каждым непроизвольным движением бёдер навстречу его твёрдости, я бессознательно отвечала: «Я здесь. Я такая какая есть. Возьми меня».

Он разорвал поцелуй, оставив губы влажными и пульсирующими.

— Скажи, что хочешь, — его шёпот обжёг ухо. — Конкретно. В эту ночь… я могу быть тем, кто тебе нужен.

Глава 4. Ночь имеет свойство заканчиваться

— Я хочу почувствовать себя желанной, — выдохнула я, и голос предательски дрогнул. — И кому-то нужной. Хоть на одну ночь.

Слёзы, копившиеся где-то глубоко внутри всё это время, наконец вырвались наружу. Они текли по моим щекам горячими, солёными потоками, смешиваясь с его дыханием на моей коже. Я всхлипывала тихо и безнадёжно, признаваясь в самой своей глубокой, постыдной тоске. Он не сказал ни слова. Его большой, тёплый палец осторожно провёл по моей щеке, собирая влагу. А потом его губы мягко коснулись кожи там, где только что была слеза. Почти благоговейно. Он поцеловал другую щеку, уголок глаза, висок, как будто выпивая мою боль и оставляя на её месте лишь тихое, покалывающее тепло.

— Не плачь, — прошептал он, и его голос был на удивление мягким, лишённым прежней хрипотцы. — Я дам тебе всё это.

Это не было пустым обещанием. В этих словах звучала твёрдая, почти суровая уверенность мужчины, который привык держать данное слово и в этой уверенности было больше утешения, чем в любой нежности.

Он снова поцеловал меня, и этот поцелуй был утверждающим. В нём была обещанная желанность. Его руки снова обрели ту властную нежность, с которой он касался меня раньше, но теперь в каждом движении читалась цель. Он ласкал внутреннюю часть бедер, скользил по животу, вновь и вновь возвращался к груди, но уже не с удивлением, а с явным, жадным наслаждением, заставляя меня выгибаться и стонать.

Каждое его прикосновение было ответом на мою просьбу. «Ты желанна» — говорили его губы на моей шее. «Ты нужна» — утверждала его ладонь, крепко лежащая на моём бедре, прижимая меня к нему. В полной, абсолютной темноте, где нельзя было увидеть ни моего «неправильного» тела, ни его взгляда, его желание было единственной, неоспоримой истиной и я начала в неё верить.

Он медлил, не торопясь перейти к главному, словно растягивая этот момент, доказывая, что для него важна не только развязка. В этом терпении, в этой внимательности к каждой моей реакции, было то самое внимание, о котором я так отчаянно просила. Он был здесь. Полностью. Для меня. И когда его рука наконец скользнула между моих бёдер, касаясь самой сокровенной, пылающей части меня через тонкую ткань, я не испугалась. Я замерла в предвкушении, вся превратившись в один сплошной, трепещущий нерв.

— Говори, если что-то не так, — его шёпот был горячим в моём ухе.

Я лишь качнула головой, не в силах вымолвить ни слова.

Его пальцы не спешили. Они скользнули по внутренней поверхности бедра, заставив меня вздрогнуть. Ткань сорочки была мучительной преградой, и он, кажется, понял это без слов. Раздался тихий звук рвущейся материи, он просто разорвал её по шву, освобождая доступ к коже.

Первый прямой контакт его кожи с моей заставил мир остановиться. Его пальцы были твёрдыми, ладонь шершавой, но движение — бесконечно точным и терпеливым. Он не набросился, а начал исследовать. Медленными, гипнотическими кругами он нащупывал каждое чувствительное местечко, читая каждый отклик моего тела. А я просто лежала, захлёбываясь ощущениями, цепляясь за его могучие плечи, боясь, что рассыплюсь на части от этого сладкого, невыносимого напряжения.

— Вот так… — прошептал он, чувствуя, как моё тело отзывается на его прикосновения, как мышцы живота напрягаются, а дыхание срывается. — Ты отзываешься на всё… как дикий цветок на солнце.

Его слова смешивались с гулом в ушах. Он нашёл ту самую чувствительную жемчужину и замер, положив на неё большой палец, начал ритмично, неумолимо давить и растирать. Волны удовольствия накатывали, каждая сильнее предыдущей, смывая остатки стыда, страха, одиночества. Я закинула голову назад, губы раскрылись в беззвучном крике, тело выгнулось в дугу. Оргазм нахлынул тихой, всепоглощающей волной тепла, которая залила изнутри всё, до самых кончиков пальцев, вымывая прочь горечь дня, холодность матери, смерть Задиры. Я дрожала под ним, издавая сдавленные, хриплые звуки, которых никогда от себя не слышала. Он не останавливался, продлевая спазмы, пока я не обмякла на простынях, беспомощная и опустошённая.

Тишину разорвало только наше тяжёлое дыхание. Он склонился надо мной, его лоб коснулся моего.

И прежде чем я успела что-то понять или ответить, он сместился выше. Я почувствовала, как его тело напряглось, как он на мгновение замер в последнем вопросе, давая мне шанс отказаться. Но во мне не осталось ничего, кроме жажды. Жажды его. Всей его силы, всей этой дикой страсти.

— Да, — выдохнула я, и это было согласие и мольба одновременно.

— С днём рождения, — прошептал он хрипло, и в его голосе слышалась не только страсть, но и какая-то своя, тёмная нежность.

Он вошёл в меня одним медленным, неумолимым движением, заполнив до краёв, растягивая. Боль была острой, но мимолётной, растворившись в шоке от этой полноты, от ощущения, что он внутри меня. Он замер, давая мне привыкнуть, и я услышала его сдавленный стон прямо над ухом, звук почти болезненного наслаждения.

— Боги… ты… — он не закончил, словно не находя слов. Его дыхание, горячее и прерывистое, обжигало кожу. — Ты великолепна...

И эти слова, произнесённые с потрясённым откровением, в них слышалось восхищение.

А потом он начал двигаться. Его ритм был основательным, мощным. Каждый толчок вгонял меня в матрас, заставляя цепляться за его спину, впиваться пальцами в напряжённые мышцы под тонкой рубахой. Он не торопился, не гнался за своей разрядкой. Кажется, он был одержим чем-то иным — самим ощущением. Тем, как я принимала его, как обхватывала его изнутри, как каждый мой тихий стон и непроизвольный вздох отзывался в его собственном теле.

Он менял угол, находил точки, от которых мир взрывался звёздами, и снова возвращался к своему глубокому, размеренному темпу. Его губы нашли мои, и поцелуй стал частью этого ритма — влажным, жадным, лишённым всякой нежности, кроме нежности полного взаимного поглощения.

— Хитрая лисичка… — прошептал он мне в губы между поцелуями, и его голос был хриплым от страсти и удивления. — Обвела вокруг пальца самого медведя. Вызвала для пустой формальности, а сама утянула в свои сети… в самый настоящий омут.

В его словах не было обиды, скорее пьянящее восхищение. Восхищение обманом, который привёл его не к холодному ритуалу, а к этой пышущей жаром, отзывчивой реальности. Он целовал меня снова, и в этом поцелуе уже читалась не просто страсть, а благодарность за сюрприз, за нарушение всех его ожиданий. Его руки, державшие мои бёдра, сжимали их так, что должно было быть больно, но это было лишь ещё одним доказательством его одержимости, его желания впитать каждую деталь.

Моё тело, уже разбуженное однажды, снова подходило к пику, но на этот раз медленнее, глубже, неотвратимее. Всё смешалось — боль от растяжения, непривычное удовольствие от его размеров, шок от его слов, лавина физических ощущений и дикое, первобытное ликование от того, что я нравлюсь ему. Что это моё тело, мои изгибы, мои ответные движения сводят с ума такого мужчину.

Когда волна снова стала подбираться, я уже не могла молчать. Я стонала ему в рот, в шею, цеплялась за него, как утопающая, и он ответил тем же, его движения стали резче, отрывистее, потеряли прежний контроль. Его рычание стало громче, хватка почти болезненной.

— Смотри на меня… — вырвалось у него хрипло, хотя мы ничего не видели, но я поняла. Я открыла глаза в темноте, будто и вправду могла встретить его взгляд, и нашла его губы для последнего, отчаянного поцелуя. И мы упали вместе. Его тело напряглось в последнем, глубоком толчке, из его горла вырвался низкий, животный стон, а мой собственный крик растворился в его губах. Спазмы моего оргазма смешались с его пульсацией внутри меня, создавая бесконечную, ослепительную вспышку чистого удовольствия в кромешной тьме.

Он рухнул на меня всем весом, заставив выдохнуть остатки воздуха, а потом мгновенно перекатился на бок, не разрывая связи, притянув меня к себе так, что моя спина оказалась прижата к его груди. Мы лежали, слившись воедино, и единственными звуками были наше бешеное, синхронное дыхание и гул крови в ушах.

Дыхание постепенно выравнивалось, превращаясь в ровный, глубокий ритм. Его рука, тяжелая и тёплая, лежала у меня на животе, пальцы слегка впивались в кожу, как будто даже во сне он боялся, что я растворюсь в темноте. Его запах теперь был повсюду: на моей коже, на простынях, в самом воздухе, которым я дышала. Я прижалась спиной к его груди, чувствуя, как на мои волосы опускается его тихое, размеренное дыхание.

Усталость накрыла меня тяжёлым, бархатным покрывалом. Все тревоги, весь стыд, вся боль дня растворились в этом тепле, в этой невероятной защищённости. Я не помнила, когда засыпала так в последний раз, не в изнеможении, а в полном покое. В эту ночь я чувствовала себя… дома.

Свет пробивался сквозь мои веки, настойчивый и чуждый. Я поморщилась и потянулась, ища рукой то тёплое, твёрдое присутствие за спиной, но простыня под моей ладонью была холодной и пустой.

Я открыла глаза. Утро залило мою скромную спальню бледным, безразличным светом. Я была одна. На простыне рядом была вмятина от его тела, уже остывшая. Всё, что осталось — это запах, уже призрачный, давящее чувство опустошения в груди и лёгкая болезненность в мышцах там, где его руки держали меня с жёсткой силой.

Я свернулась калачиком, обхватив себя руками. Глупо. Совершенно глупо чувствовать эту грусть и щемящую тоску. Он сделал то, за чем его вызывали, даже больше. Он дал мне именно то, о чём я просила: желанность, ощущение нужности, внимание. Его работа была выполнена безупречно. Но почему тогда сердце сжималось так больно? Почему эта комната, ещё вчера бывшая моим убежищем, сегодня казалась такой невыносимо пустой и тихой? Я втянула носом воздух, пытаясь уловить последние нотки его запаха, и закрыла глаза, снова погружаясь в память о его прикосновениях, о его шёпоте в темноте.

«Одна ночь», — напомнила я себе сурово. Только одна ночь. Ты это знала, Ваниэль. Он ушёл, потому что такая была договоренность, потому что так надо.

Я заставила себя встать. Солнечный свет казался насмешкой. Мне предстоял новый день, работа, жизнь в Личине, но что-то внутри сдвинулось. Треснуло. И через эту трещину в моё «сегодня» настойчиво пробивалось вчерашнее тепло и уверенность его голоса: «Боги... как ты прекрасна...».

***

«Где-то на другом конце Ивенталя, в своем доме на краю леса, Бьёрн в ярости врезал кулаком в косяк двери так, что древесина затрещала. Он не помнил, когда в последний раз терял контроль. Его отозвали — резко, без предупреждения, силой контрактной магии, едва первые лучи солнца коснулись горизонта. Адрес был зашифрован, связь оборвана. Он даже

не успел оставить записку. Он выполнил работу, но впервые за всю карьеру эта работа не закончилась для него с уходом. Она осталась с ним — в памяти о её отклике, в призрачном ощущении её кожи под пальцами, в её тихих, доверчивых вздохах. Он сорвал со стола простую медную монету — свой личный маячок, не связанный с гильдией. Зарядил её импульсом надежды и одной-единственной мыслью: «Найди». И швырнул в туманный рассвет, в сторону, где, как он смутно чувствовал, должно было быть её местонахождение. Монетка исчезла в серой дымке. Теперь оставалось только ждать. И надеяться, что хитрая лисичка захочет снова обвести медведя вокруг пальца.»

***

Я стояла у окна, сжимая в руке край занавески, и смотрела, как поднимается солнце над крышами Ивенталя, уже понимая, что ничто не будет прежним.

Глава 5. Неожиданная новость

Прошла неделя с моего дня рождения. Загруженная работой, я не замечала как летело время. На работе все было по-прежнему. Я перебинтовала лапку у лисы — забавного рыжего зверька с перепончатыми крыльями и тремя пушистыми хвостами. Он терпеливо сносил процедуру, уткнувшись холодным носом мне в ладонь.

«…Хитрая лисичка обвела вокруг пальца самого медведя…»

Мысль вонзилась остро и некстати, заставив пальцы на миг замереть на бинте. Сравнил же. В темноте, когда его губы были у моего уха. Я встряхнула головой, отгоняя навязчивую мысль.

— Всё, свободен, — пробормотала я, и лисенок, словно почувствовав ослабление хватки, благодарно лизнул мне запястье и юркнул в искусственную норку в дальнем углу вольера.

— Можно его скоро выписывать? — раздался спокойный голос за спиной.

Я вздрогнула и обернулась. Леннард стоял в проходе, вытирая руки о грубый фартук. Его внимательный взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на глазах дольше, чем нужно.

— Да, можно, — ответила я, слишком быстро, чувствуя, как тепло поднимается к щекам. — Перелом зажил, инфекции нет.

Леннард молча кивнул, но не уходил. Он изучал меня с тихой, ненавязчивой настойчивостью.

— Ты какая-то странная в последнее время, — наконец сказал он, без осуждения, но с лёгкой тревогой. — Мыслями будто не здесь. У тебя всё в порядке?

Паника, острая и липкая, сжала горло. Он что-то видит. Замечает. Маска моей обычной, слегка угрюмой эльфийки дала трещину.

— Да, да, конечно, — затараторила я, отводя взгляд к лисьей норе. — Просто… после того как не смогла спасти Задиру, чувствую себя как-то странно, не могу сосредоточиться.

Слова повисли в воздухе, пахнущем лекарствами и шерстью. Они были правдой, но не всей.

— Понимаю, — протянул Леннард, и в его голосе прозвучало настоящее сочувствие. Он повернулся, чтобы уйти, бросив на прощание: — Не кори себя. Ты сделала всё, что могла.

Я смотрела, как его широкая спина скрывается за поворотом коридора, и в душе скребла тоска. Прости, Задира, что использую тебя в качестве отговорки. Но настоящую правду: про тёмную комнату, про его руки, про ту пустоту, что теперь грызёт меня изнутри, сказать я не могла. Никому.

Вернувшись к столу с инструментами, я сжала пальцы. На внутренней стороне запястья, там, где лисёнок оставил влажный след, ещё будто чувствовалось прикосновение других губ. Шёпот в кромешной тьме. Тишина «Убежища» внезапно стала давить на уши. Она была давящей, без него и я поняла, что скучаю. По его низкому голосу. По запаху леса и железа. По тому, как он произнёс: «Шикарная. И такая редкая», а ведь я даже не знала его имени...

Я была редкостью для кого-то всего на одну ночь. И теперь, когда ночь закончилась, этот факт жёг сильнее, чем любое равнодушие, которое я терпела всю жизнь.

После работы я зашла к Лоррейн, как всегда, за провизией для своих подопечных и таким нужным глотком её простого человеческого тепла, но вместо привычной неторопливой суеты за прилавком царил хаос. Тётушка, красная от напряжения, металась между полками, совала в плетёные корзинки сыры, вяленое мясо, лучшие фрукты и банки с консервами.

— Что такое? — удивилась я, переступая порог. — Откуда столько заказов? У тебя день рождения, что ли?

— Ох, Вани, дорогая, даже не представляешь! — она на миг остановилась, опершись руками о стойку, чтобы перевести дух. Её глаза сияли деловой азартной лихорадкой. — При-

шло магическое уведомление нашему старейшине! Скоро, считай что завтра-послезавтра, прибудет целая делегация из самой столицы! Проездом они будут, везут какую-то диковинную зверушку, говорят, на отдых и поправку в наших краях остановятся. Представляешь сколько новых, денежных покупателей! Весь Ивенталь на ушах!

Слова её врезались в меня, как обухом по голове. Я почувствовала, как кровь отливает от лица, оставляя кожу холодной и липкой.

Делегация из столицы.

Значит, их маги сильны. Изощрённы. Воспитанные в самой сердцевине эльфийской столицы. Не то что местные лекари или старейшина, чьи чары просты и приземлённы. Что они, в своих сверкающих одеждах и с ледяными взглядами, забыли в таком захолустье, как Ивенталь, оставалось загадкой, но одно было ясно как день: для них моя Личина, этот сложный, но всё же фокус, может оказаться не более чем дешёвой пленкой. Они способны увидеть под ней моё истинное лицо.

Сердце бешено заколотилось, сжимаясь ледяным комом страха.

— Надеюсь, мою личину не раскроют… — прошептала я, не осознавая, что проговорила мысли вслух, слишком погружённая в нахлынувший ужас.

Тишина, наступившая после моих слов, была оглушительной. Даже звук падающей на прилавок луковицы прозвучал как выстрел. Я подняла глаза и встретилась со взглядом Лоррейн.

Всё её деловое оживление сдулось, как проколотый пузырь. На её морщинистом лице застыло выражение, в котором смешались шок, догадка и внезапная, острая жалость. Её острый, житейский ум, знающий все сплетни Ивенталя, но всегда хранивший мои секреты, мгновенно сложил два и два. Она не знала магии, но она знала людей. И эльфов — тоже. Она видела, как я каждый день стараюсь быть невидимкой, как ношу слишком свободные платья даже в жару, как вздрагиваю от собственного отражения в полированном медном тазу.

— Дитятко… — её голос стал тихим, хриплым от сдерживаемой эмоции. Она обвела взглядом пустую лавку, убедилась, что мы одни, и сделала шаг ко мне через разбросанные товары. Её рука, шершавая и тёплая, легла на мою — ледяную и дрожащую. — Ты… ты что, скрываешь свою настоящую внешность? Всё это время?

В её глазах не было осуждения. Была боль. Боль за меня. И это было в тысячу раз страшнее. Я попыталась отвести взгляд, но она мягко, но настойчиво взяла меня за подбородок.

— Говори. Только честно. Что ты скрываешь? И… от кого? От нас? От меня?

Её вопросы висели в воздухе, острые и неумолимые. Я не могла солгать ей. Не сейчас. Слёзы предательски затуманили зрение.

— От всех, — выдохнула я, и голос сорвался. — Моя внешность… она неправильная. Для эльфов. Она… позорная. Мама… мама сослала меня сюда, чтобы её не видели. А я… я просто хочу жить спокойно, чтобы на меня не показывали пальцами.

Лоррейн смотрела на меня, и её лицо медленно менялось. Жалость отступала, уступая место чему-то более твёрдому, почти гневному, но гнев этот был направлен не на меня.

— Позорная… — она повторила с таким презрением к самому слову, что мне стало легче. — Да они, столичные павлины, сами-то знают, что такое настоящая красота? Красота — это доброе сердце и умелые руки. А не то, как уши торчат! — Она выдохнула, сжала мою руку. — Ладно. Твои тайны — твои. Я ничего не видела, не слышала. Но, дитятко… — её взгляд стал пронзительным, — если эти столичные гости вздумают тебя травить… ты сразу ко мне. Поняла? У меня и помело тяжёлое найдётся, и язык подвешен.

Её грубая, безусловная защита обожгла меня теплом, от которого снова захотелось плакать, но теперь от облегчения.

— Спасибо, Лорейн, — прошептала я.

— Никаких «Лорейн», для тебя тётушка — буркнула она, отворачиваясь и снова хватая корзинку, но теперь её движения были резкими, будто она мысленно прогоняла невидимых обидчиков. — А теперь бери свои покупки и беги. У меня дел по горло из-за этих… важных персон.

Я взяла узелок, её поддержка грела изнутри, как глоток крепкого вина, но страх никуда не делся. Он лишь обрёл новые очертания. Вместо абстрактных «сильных магов» теперь я боялась конкретного позора — перед Лоррейн, перед всем Ивенталем, который благодаря ей стал мне почти домом. И ещё я боялась того, что, если магия столичных гостей действительно сильна… они могут увидеть моё тело.

Пришла домой и заперла дверь на все засовы, после разложила продукты в холодный шкаф и по кухонным ящикам. Взяла с запасом — надолго. Чтобы лишний раз не высовываться, не рисковать. Если будет хоть какая-то возможность, откажусь от присмотра за диковиной. Думаю, Илдриэль будет только рада такому поручению — она всегда стремилась к большему, а возможностей выделиться в Ивентале у неё не было. Мечтала, наверное, перебраться ближе к столице, вот и шанс для неё.

Села за грубый деревянный стол и уставилась в окно. Мой забор был высоким, а сверху ещё тянулась густая лоза с крупными, почти щитовидными листьями, увеличивая и без того солидную высоту. Моя крепость. Моя тюрьма. Обычно я не боялась ходить в огороде без Личины — никто сюда не зайдёт. Магический замок на калитке и зелёная стена надёжно защищали мой маленький, скрытый ото всех мирок. Но сейчас… сейчас уровень паранойи взлетел до небес. Что, если я им понравлюсь? В худшем смысле этого слова. Что, если с диковинной зверушкой случится что-то серьёзное, и решат, что лучший целитель для неё — это я? Илдриэль может и не справиться. А я… я не смогу отказать. Не потому, что не захочу помочь зверю, а потому, что у меня не будет права голоса.

Я обняла себя за плечи, пытаясь дышать глубже и ровнее, но это не помогало. Паника накатывала волнами, холодными и липкими. Ведь я знала эльфов. Знала их самомнение. Им будет плевать на мой магический замок, на высокий забор, на моё желание остаться в тени. Если решат, что я нужна, они просто вынесут калитку. Легко и элегантно, одним движением изящных пальцев, сотрут мою хлипкую защиту и войдут. Увидят меня. Не ту бледную, стройную тень, которую я ношу по улицам, а настоящую. Распущенные фиолетовые волосы, слишком выразительное лицо, это тело… это тело, которое всего пару ночей назад кто-то в темноте назвал шикарным.

После того как я уехала из столицы, прошло тридцать лет. С учётом того, что эльфы — долгожители, эти тридцать лет для меня пронеслись как три. Но раны, что нанесла мать своим ледяным разочарованием, насмешки сверстников, ощущение себя чужеродным пятном на безупречном полотне, до сих пор не зажили. Они просто прикрылись тонким слоем привычки, как плохо затянувшийся шрам. А теперь кто-то из того самого мира, что меня отверг, едет сюда, чтобы сорвать этот струп. И всё, что у меня было за эти годы: тихий покой, работа, доверие зверей и дружба Лоррейн, вдруг показалось хрупким, как стекло, на которое вот-вот упадёт камень.

Закончила все важные дела в саду — те, что требовали больших усилий. А мелочи… мелочи можно сделать и в Личине, после. Сейчас я валилась с ног.

Лёжа в постели, я укуталась в одеяло, подоткнув края под себя, пытаясь создать иллюзию тепла и защиты, но тело знало правду. Одеяло было шерстяным и колючим, а его объятия были… живыми. Из плоти, крови и непоколебимой силы. Они грели не снаружи, а изнутри, плавя лёд, что сковал мою душу с самого детства. И теперь, когда этого тепла не было, внутри образовалась пустота, которую не заполнить ничем.

Его объятия сделали меня зависимой от его тепла и его желания. От признания, которое он, сам того не ведая, выжёг на моей коже своими прикосновениями и словами.

«Вот я дура», — прошептала я в темноту потолка. Горькая усмешка скривила губы. Как я могла влюбиться в Пробудителя? Это была не просто глупость. Это была фатальная ошибка. Если бы в столице узнали, что дочь Хранительницы, пусть и изгнанная, опустилась до влюблённости с Пробудителем… Меня бы не просто осмеяли. Меня бы смешали с грязью. Официально. Тихим приказом, который никто не станет оспаривать. Мать, если бы ещё помнила о моём существовании, сделала бы это сама, лишь бы смыть последние капли позора с фамилии.

Ещё одно клеймо на неправильную эльфийку. Самое позорное: влюбчивая, отчаявшаяся, низкопробная.

«Мне не жить», — подумала я без паники, с холодной, безнадёжной ясностью. Жизнь, которую я пыталась построить здесь, в изгнании, жизнь тихого труда и смирения, теперь невозможна, потому что я узнала вкус чего-то другого. И этот вкус оказался ядом, отравляющим всё, что было до него. Я закрыла глаза, прижимаясь щекой к подушке, которая не пахла лесом. И впервые за много лет я не плакала. Внутри была лишь тяжёлая тишина отчаяния, гораздо страшнее слёз.

Глава 6. Вот мы и встретились при свете дня

Утро встречи делегации выдалось холодным и серым, будто само небо сжалилось над Ивенталем и решило скрыть его скудность под пеленой тумана. Весь посёлок, от старейшины до последней дворняги, выстроился вдоль главной и единственной улицы. Я стояла в самом конце в полной Личине, стараясь слиться с тенью от чьей-то сарайки. Сердце колотилось так, что я слышала его стук в висках. Скорее бы они проехали. Скорее бы это закончилось.

Сначала раздался звук — мелодичный, холодный перезвон колокольчиков в такт чёткому топоту копыт. Потом из тумана выплыли они. Сияющие. Даже в этом унылом свете их доспехи и плащи отливали металлом и шёлком, а лица были бесстрастными масками из фарфора. Пятеро всадников. Воздух вокруг них вибрировал от сконцентрированной магии, от которой у меня засвербило в висках и захотелось спрятаться ещё глубже.

Я уже собиралась опустить взгляд, когда услышала другие копыта. Тяжёлые, глухие, разбивающие хрупкий столичный ритм. Я разглядела замыкающего всадника.

И время словно остановилось.

Под ним был не эльфийский скакун, а мощный гнедой тяжеловоз, чья холка была почти вровень с головами лошадей впереди. Всадник сидел в седле не с вышколенной прямотой, а с природной, хищной грацией, будто был сросшимся со зверем. На нём — добротная дорожная кожа, без единого намёка на столичный лоск. Капюшон был накинут, но из-под него выбивалась густая, тёмная волна волос, знакомо падавшая на мощные плечи. Те самые плечи, что в темноте моей комнаты казались утёсами. Его руки в грубых перчатках уверенно держали поводья, и я вспомнила, как точно эти же руки находили каждый изгиб моего тела. Но больше всего ощущалось — его присутствие. Оно не давило магией, оно давило массой, дикой силой, чуждой всему этому изяществу. Он был как валун, брошенный в ручей фарфоровых кукол.

А потом ветер сменил направление и он донёс запах. Смола, разгорячённая лошадиная шкура, дождь на коже и под ней — тёплый, глубокий, медвежий дух, смешанный с холодком стали.

Лес. Медведь.

Воздух вырвался из моих лёгких со свистом. Это был он. Не сон, не вымысел. Он ехал здесь, в двух десятках шагов, в гуще делегации. Пробудитель. Или… кто он на самом деле? Что он делал среди столичных эльфов?

В этот миг он, будто почувствовав на себе взгляд, слегка повернул голову. Туман искажал черты, но я узнала линию его челюсти — твёрдую, упрямую, ту, что я целовала в темноте. И, кажется, его взгляд, тяжёлый и ощутимый даже на расстоянии, скользнул по толпе, задержавшись на моём силуэте в тени.

Паника, острая и слепая, ударила в живот. Если он узнает… если заподозрит хоть на мгновение… Вся моя ложь, всё моё хрупкое спокойствие рухнет здесь и сейчас, на грязной улице, у всех на глазах.

Я рванула с места, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни и корзины. Надо было бежать, прятаться или вовсе исчезнуть. Позади, сквозь шум крови в ушах, мне почудился звук — короткое, резкое движение, будто кто-то в седле резко дёрнул поводья или это было моё воображение, искажённое ужасом? Я не оборачивалась. Я просто бежала к своему дому, к своей клетке, понимая одно: омут, в который я так легкомысленно затянула медведя, теперь вышел на свет. И я уже была на дне.

Оказавшись дома, я прислонилась спиной к двери и судорожно рассматривала себя в зеркале прихожей. Личина была идеальной. Рост, телосложение, цвет волос, разрез глаз, даже это вечное, слегка отстранённое выражение на лице — всё было чужим. Не моим. А что, если

бы он увидел меня без неё? Не зная, кто я, просто как незнакомку на улице… придержал бы коня? Взглянул бы с тем же тёмным интересом?

— Нет! — вслух выдохнула я и хлопнула себя ладонями по щекам. — Успокойся, Ваниэль. Спокойнее.

То, что я убежала на глазах у всех, вот что по-настоящему выглядело странно. Вот глупая! Надо было просто уткнуться глазами в землю и стоять, как все. А теперь я привлекла внимание. Свой же панический побег выделил меня из толпы. Надеюсь, они не зациклились на этом. Господи, дай мне сил пережить этот день.

Кажется прошло около двух часов, но я все не могла сдвинуться с места. Вдруг воздух в комнате дрогнул, и раздался тихий, чистый звон — звук магического вестника, означавший, что кто-то стоит за калиткой и ждёт. Сердце упало куда-то в пятки.

О нет! Что если…

— Нет, не могли узнать, — прошептала я себе, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Спокойно. Вдох. Выдох. Ваниэль, приди в себя.

Я сделала несколько глубоких, дрожащих вдохов, поправила волосы и в последний раз взглянула в зеркало. Идеальная, бледная, безликая маска. Пошла к калитке. Ноги были ватными, руки тряслись, а пальцы отказывались разжимать засов.

— Кто это? — голос прозвучал хрипло, но достаточно громко.

— Это Эларон, — донёсся снаружи его ровный, лишённый эмоций тон. — Ты могла бы подойти в «Убежище»? Нужно осмотреть королевского птерохвоста.

Королевский птерохвост. Так вот что это была за диковина. Смесь птицы и ящерицы с ядовитыми шпорами. Илдриэль мечтала бы о таком пациенте. Я ухватилась за эту мысль, как за соломинку.

— А разве Илдриэль не может? — спросила я, пытаясь вложить в голос обычную усталость, а не панику. — Она же твоя жена и отличный целитель. Разве не хочет проявить себя?

— Илдриэль боится подойти, — ответил Эларон, и в его обычно бесстрастном голосе прозвучала тончайшая, ледяная нить раздражения. Судя по всему, этот разговор у них уже состоялся. — Животное настроено агрессивно и уже ранило двух грумов. Сопровождающие требуют самого опытного и решительного специалиста. То есть тебя. Собирайся. — Раздался звук уходящих шагов, он развернулся и ушёл, дав понять, что дискуссия окончена.

В его словах прозвучало не просто «решительного», а «решительного» с лёгким, почти неразличимым ударением. Того самого качества, которого, по его молчаливому мнению, недоставало его безупречной супруге. Именно это уязвило её больше всего.

Я прекрасно понимала: Илдриэль теперь возненавидит меня ещё сильнее. Признаки были видны задолго до сегодняшнего дня, как тонкие трещины на фарфоре. Её взгляд, когда я удачно завершала сложную процедуру: не профессиональное одобрение, а холодная, быстрая оценка — «Почему это получилось у неё?». Лёгкое, едва заметное поджатие губ, когда Эларон в её присутствии однажды поручил мне самого капризного пациента со словами: «Ты с такими лучше справляешься». Её манера никогда не обращаться ко мне за советом, даже если я была рядом, предпочитая делать вид, что я — пустое место, временная помеха на её пути к большему признанию.

А теперь этот случай с птерохвостом… Он был не просто моей профессиональной победой. Он был её публичным поражением на глазах у мужа и, что хуже всего, на глазах у столичных гостей. Для Илдриэль, видевшей в этой делегации шанс на перевод, это был крах надежд. И виновницей, конечно, стала бы я — не она, испугавшаяся, а я полезшая вперёд.

Эта мысль была настолько горькой, что я едва не задохнулась. Я не хотела её вражды. Я не хотела этого внимания. Но судьба, как всегда, выставила меня на передовую, подставляя под удар.

— Хорошо, — сказала я, и голос прозвучал поразительно ровно, будто все эмоции вымерзли. — Я сейчас.

Я открыла калитку и сделала шаг за порог, на мгновение застыв на виду у соседей, чувствуя, как вопросительные взгляды впиваются в мою спину. Моя Личина казалась теперь не защитой, а яркой мишенью.

Шла за Эларoном, стараясь ступать так же бесшумно и прямо, как он, и вытесняя из головы одну навязчивую мысль: «Вдруг там будет Он», другой, более безопасной — профессиональной. Нужно было собраться. Я мысленно перебирала всё, что знала о птерохвостах.

Это были редкие, полумагические звери. Внешне — нечто среднее между ящерицей и хищной птицей. Размером с крупную собаку, тело покрыто жесткими, переливающимися перьями, которые на хвосте срастались в широкий, костяной веер — главное оружие. Каждое «перо» этого веера заканчивалось ядовитой, изогнутой шпорой. Яд не смертельный для эльфов, но вызывающий мучительные судороги и временный паралич. Лапы — цепкие, с длинными, острыми когтями, способными распороть кожу и мышечную ткань, но самая большая проблема — их психика. Птерохвосты были умны, злопамятны и обладали почти эмпатической чувствительностью к страху и агрессии. Они чувствовали намерение за версту. Подходить к раненому или напуганному птерохвосту, испытывая хотя бы тень негатива, было равносильно самоубийству.

Илдриэль, с её вечным холодным высокомерием, могла неосознанно излучать именно то, что зверь воспримет как угрозу. А я… со мной всегда было проще. Звери чувствовали моё сочувствие. Моё искреннее желание помочь, лишённое оценки и превосходства. Возможно, в этом и был мой проклятый «дар».

— Его поместили в изолированный бокс в конце нового крыла, — без эмоций сообщил Эларон, не оборачиваясь. — Сопровождающий… представитель делегации, будет присутствовать. Будь готова.

Сопровождающий. Сердце ёкнуло. Я сглотнула комок в горле и кивнула, хотя он этого не видел. Быть готовой. Значит, не подавать вида, если что-то не так. Не смотреть в его сторону. Дышать ровно и работать.

Мы вошли в «Убежище». Обычная тишина сменилась напряжённым, почти звенящим гулом. Всюду сновали перепуганные ученики, а из-за дверей главного зала доносились приглушённые ледяные голоса столичных гостей.

Эларон повёл меня по боковому коридору, подальше от главного шума, к новой пристройке. У двери в изолированный бокс уже стояли трое. Бледный, перевязанный грум, зажавший свою раненую руку. Леннард — он тёр ладони о фартук и кивнул мне коротко, его карие глаза выражали молчаливую поддержку и понимание: «Я здесь, если что». И… высокий, плотно сбитый силуэт в дорожном плаще, прислонившийся к стене напротив. Он стоял немного в стороне, в тени, скрестив руки на груди. Капюшон был сдвинут на затылок, но лицо всё ещё скрывали глубокие тени и поворот головы. От него, даже в этом состоянии покоя, исходила та же энергия подавленной силы, что и на улице, когда я увидела его впервые. Воздух вокруг него был тяжелее.

Я заставила себя перевести взгляд на Леннарда, на мгновение задержавшись на его знакомом, спокойном лице, ищу в нём точку опоры. Он едва заметно подмигнул, будто говоря: «Ты справишься».

— Готовь инструменты, — тихо сказала я ему, и он немедленно кивнул, отвлекаясь на подготовку столика. Это дало мне несколько драгоценных секунд, чтобы сделать глубокий вдох и настроиться.

Только тогда я повернулась к двери бокса и к тому, кто стоял рядом с ней — сопровождающему, чья аура тихо горела в моём восприятии, как тлеющий уголёк.

Леннард мотнул головой в сторону стоящего в тени и начал представлять, его голос звучал с непривычной формальностью:

— Ваниэль, это сопровождающий животного — Бьёрн. Бьёрн, это наш старший целитель по дикой магической фауне, Ваниэль.

Бьёрн.

Имя ударило в сознание. Оно было твёрдым, земным, грубоватым и идеально ему подходило. Он медленно выпрямился и сделал шаг из тени. Свет из окна в конце коридора упал на его лицо: тяжёлая челюсть, широкая переносица, глубоко посаженные глаза, цвет которых в полумраке было не разобрать, но в которых я узнала ту же концентрацию, что чувствовала на своей коже в темноте. Его взгляд скользнул по мне — по моей личине, — быстрый, оценивающий и совершенно ничего не выражающий. Он не узнал меня. Не мог.

— Бьёрн, — произнёс он, просто кивнув. Тот самый голос. Низкий, с лёгкой хрипотцой, которая будила в памяти шёпот у самого уха. От этого звука внутри всё сжалось и одновременно вспыхнуло.

Я заставила себя кивнуть в ответ, не произнося ни слова, боясь, что мой голос дрогнет.

— Зверь опасен, — сказал Бьёрн, его взгляд был прикован к двери вольера. — Два опытных грума уже получили раны. Вы уверены, что хотите идти туда одна?

Сомневаюсь, что это была не забота. Скорее профессиональная оценка рисков, но в ней слышалось что-то ещё — тень того же защитного инстинкта, что заставлял его спрашивать «можно?» в темноте моей спальни.

Это был он. Тот самый.

Прежде чем я успела ответить, Леннард, проверяя заточку скальпеля, бросил небрежно, но с непоколебимой уверенностью:

— Не переживайте. Она лучшая. Животные её… любят. Чувствуют, что ей можно доверять.

Слова Леннарда повисли в воздухе. Бьёрн медленно перевёл взгляд с него на меня. В его глазах, наконец, мелькнуло что-то, кроме холодной оценки. Интерес. Глубокий, изучающий. Как будто он видел не просто целительницу, а некую загадку.

Я почувствовала, как жаром вспыхивают щёки. Резко отвернулась к двери, беря у Леннарда кожаные перчатки до локтя.

— Откройте, — сказала я твёрдо, больше себе, чем им. Мне нужно было уйти. Сейчас же. В вольер, к зверю, к простой, понятной опасности, которая была куда менее страшна, чем этот мужчина, смотрящий на меня, но не видящий настоящую меня.

Глава 7. Имя из прошлого

Я вошла в вольер, плотно закрыв за собой дверь. Воздух внутри был густым от запаха дичи, стресса и сладковатого аромата целебных трав. Птерохвост сидел в дальнем углу, её — да, именно её костяной веер-хвост был распушён и подрагивал. Я определила пол почти мгновенно, по совокупности мелких, но понятных мне признаков: более изящный изгиб линии спины, форма черепа — чуть более округлая и узкая в морде, и, главное, характерное, чуть более высокое и модулированное курлыканье, даже в стрессе. Самцы обычно хрипели и щёлкали. Перья по загривку стояли дыбом, а в золотистых, вертикальных зрачках полыхал испуг, граничащий с яростью.

— Тише, тише, — заговорила я сразу, не шевелясь, позволяя голосу литься мягко и ровно. — Ну что ж ты так? Они же не хотели причинить тебе зла. Просто испугались, глупенькие.

Она насторожилась, резко втянув воздух, но не зашипела. Её крупная голова склонилась набок, изучая меня. Позади, сквозь толстое стекло, послышался чей-то сдавленный, восхищённый вздох — наверное, грума. И ещё… чувствовалось другое внимание. Тяжёлое, сосредоточенное, будто луч тёплого света в спину. Бьёрн. Он наблюдал.

— Сейчас мы тебя подлечим, моя хорошая, — продолжила я, медленно посылая вперёд ладонью не магию-приказ, а просто волну спокойствия, умиротворения, того же, что я излучала, ухаживая за своими садовыми цветами. Это был не контроль, а предложение мира.

Я осторожно сделала шаг вперёд, потом ещё один. Она не отпрянула. Её хвост медленно, с шелестом, опустился на пол.

— Как её зовут? — спросила я, не оборачиваясь.

За стеклом на секунду воцарилась тишина.

— Откуда вы… — начал было Бьёрн, прерывистым от удивления голосом, но он быстро взял себя в руки. — Кхм, неважно. Её зовут Лель.

Имя. Оно всегда было ключом.

— Отлично, Лель, — запела я, мягко растягивая гласные. — Милая Лель. Всё будет хорошо. Не хочешь показать Вани, где болит?

Я использовала своё имя — настоящее, домашнее, каким называла меня только Лоррейн. Не «целительница», а Вани. Зверь прикрыл глаза на мгновение, будто прислушиваясь к вибрациям в самом звуке. Потом, с тихим, хриплым курлыканьем, она развернулась и осторожно, явно превозмогая боль, выправила одно сложное, перепончатое крыло. В его основании, там, где кость соединялась с телом, я увидела обширные, тёмно-лиловые кровоподтёки и неестественный изгиб одной из тонких косточек-опор. Вывих, возможно, с надрывом связок. Не смертельно, но мучительно.

— Умничка, — прошептала я, уже подходя совсем близко, чтобы рассмотреть повреждение. — Вот где саднит. Сейчас посмотрим.

И в этот момент, наклоняясь, я поймала отражение в полированном медном тазу с водой в углу вольера. В нём я увидела не только себя, но и его — Бьёрна. Он стоял у самого стекла, скрестив руки. Его поза была расслабленной, но внимание абсолютным. Он смотрел на мои руки — на то, как они, без малейшей дрожи, тянутся к опасному зверю; на мой профиль, сосредоточенный и мягкий одновременно. В его взгляде не было уже холодной оценки. Там было что-то другое. Восхищённое недоумение. Как будто он, видевший на своей работе десятки умелых целителей, впервые наблюдал подобное. В его глазах вспыхнул тот самый тёмный, заинтересованный огонёк, который я впервые почувствовала на себе в темноте.

— Умничка, — прошептала я, отворачиваясь и подошла совсем близко. — Дай-ка посмотреть.

Мои пальцы, обёрнутые тонкой марлей, коснулись края кровоподтёка. Лель вздрогнула, но не отдернула крыло. Я закрыла глаза на секунду, позволяя своей диагностической магии просочиться в повреждённые ткани. Картина проявилась чётко: вывих основной опорной косточки, надрыв связочного пучка, обширная гематома. Болезненно, но поправимо.

— Сейчас будет немного неприятно, — предупредила я её тихо, так как она могла понять слова. — Но потом станет легче. Держись.

Я одной рукой зафиксировала основание крыла у самого тела, чувствуя под пальцами учащённое, испуганное биение её сердца. Другой рукой обхватила повреждённую косточку. Нужно было вправить её одним точным, быстрым движением, пока мышцы зверя не свела судорога от боли. Я сделала глубокий вдох, слившись с её ритмом, и…

Щелчок.

Тихий, костный звук отдался в тишине вольера. Лель взвизгнула, дёрнулась, но я уже отпустила, отпрыгнув на шаг назад, давая ей пространство. Она зашипела, хлопая здоровым крылом, но атаковать не стала. Через мгновение шипение сменилось хриплым, удивлённым выдохом. Боль от острого вывиха сменилась тупой, но уже знакомой ломотой ушиба.

— Вот видишь, уже лучше, — сказала я, вытирая лоб тыльной стороной руки. — Теперь нужно убрать синяки и помочь связкам срастись.

Я присела на корточки и, не прекращая бормотать успокаивающие слова, положила ладони на гематому. Тёплая, золотистая энергия исцеления потекла из кончиков пальцев, мягко рассасывая застой крови, снимая воспаление, стимулируя регенерацию. Лель постепенно обмякла, её веки тяжелели. Целительная магия действовала на неё как сильное успокоительное. Через десять минут я убрала руки. Кровоподтёки стали светлее, приобрели желтоватый оттенок по краям — верный признак заживления. Крыло лежало в естественном положении.

— Всё, красавица, — я медленно встала, чувствуя лёгкую дрожь в ногах от концентрации. — Теперь спи, ты заслужила.

Лель уже не открывала глаз, её дыхание стало глубоким и ровным.

Я тихо вышла из вольера, стараясь не хлопнуть дверью. В коридоре на меня уставились трое: перепуганный грум, Леннард с одобрительным кивком и… Бьёрн. Его взгляд был пристальным, оценивающим, но теперь в глубине голубых глаз (я наконец разглядела цвет) плескалось что-то вроде уважения.

— Всё в порядке, — сказала я, снимая перчатки. Голос звучал устало, но уверенно. — Вывих вправлен, гематомы рассасываются. Связки заживут за пару дней под действием магии. Ей сейчас нужен только покой и темнота. — Я посмотрела прямо на Бьёрна, стараясь, чтобы взгляд не дрогнул. — Не беспокойте её сегодня. Завтра можно будет принести свежего мяса, она должна есть, чтобы восстанавливать силы.

Он медленно кивнул, не отрывая глаз от моего лица, будто пытаясь прочитать что-то в моем выражении лица.

— Вы… справились быстрее, чем я ожидал, — произнёс он наконец, и в его голосе снова прозвучала та самая хрипловатая нота, от которой по коже побежали мурашки.

— Она просто нуждалась в помощи, — пожала я плечами, отводя взгляд к Леннарду. — Всё будет хорошо.

Леннард тронул меня за локоть, прерывая этот опасный, слишком пристальный взгляд.

— Эларон ждёт тебя у себя. С делегацией, — тихо сообщил он, и в его голосе я уловила предостерегающую ноту.

Сердце снова неприятно ёкнуло. Делегация. Значит, этот момент наступил. Я кивнула, избегая смотреть в сторону Бьёрна, и пошла за Леннардом по коридору к кабинету главного

лекаря. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносились те самые ледяные, отточенные голоса, которые я слышала утром. Леннард постучал и подтолкнул меня внутрь.

Кабинет Эларона, обычно аскетичный, теперь казался тесным от присутствия Этих. Эларон стоял за своим столом, его поза была безупречно прямой, но в уголках губ читалось напряжение. Перед ним — трое эльфов из делегации. Двое незнакомых, с лицами, высеченными из мрамора. И… третий.

Воздух перехватило в горле.

Высокий, с волосами цвета воронова крыла, уложенными в безупречный узел. Черты лица — острые, насмешливые, знакомые до боли. Келлан. Мой бывший одногруппник из столичной академии. Тот самый, кто придумал прозвище «Огненная Груша» и чьи «остроты» по поводу моей фигуры и человеческой крови разили не хуже любого боевого заклинания. Он не изменился. Тот же высокомерный изгиб брови, тот же холодный блеск в серых глазах, когда его взгляд скользнул по мне — по моей Личине — с безразличным, мимолётным любопытством, какое дарят мебели.

Он не узнал. Конечно. Личина работала безупречно. А я… я узнала его мгновенно. И вместе с узнаванием в душу заполз ледяной страх. Ещё одна проблема. Живая, дышащая, со злой памятью и острым языком. Если что-то, что угодно, намекнёт ему… если моя Личина дрогнет хоть на миг в его присутствии… Он разорвёт меня на части со смаком. И ради забавы расскажет всем в столице, куда и во что превратилась «та самая дочь Хранительницы».

Я застыла на пороге, чувствуя, как под маской холодеет лицо, а ладони становятся влажными. Страх, который я пыталась загнать вглубь, вырвался наружу, дикий и всепоглощающий. Теперь в Ивентале было не одно, а два существа, которые могли уничтожить мою и без того шаткую жизнь. Одно, не ведая того. Другое, сделав бы это с огромным удовольствием.

Я прошла через весь день как сквозь густой, вязкий туман. А сейчас отвечала на вопросы Эларона и делегатов о Лель односложно, но чётко, глядя в точку на столе и чувствуя на себе изучающий, холодный взгляд Келлана. Сказала, что животное нужно оставить под наблюдением на неделю, и, к своему удивлению, не встретила возражений. Видимо, моя уверенность подействовала. Когда меня наконец отпустили, я почти бегом помчалась домой, не оглядываясь, будто за мной гнались призраки.

Дома я заперлась на все замки, прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол. Все тело трясло. От напряжения, от страха, от встречи с прошлым, которое я так тщательно пыталась похоронить. Я доползла до кровати, не раздеваясь, и зарылась лицом в подушку, укутавшись в одеяло с головой, как в кокон. Тело требовало забыться, и я провалилась в сон почти мгновенно.

Но забыться не получилось...

***

Столица Сильвериль. Академия Магии.

Белоснежные залы с высокими арками, где каждый шаг отдавался эхом. Запах книг, дорогого парфюма и прохлады. Я шла по коридору, стараясь быть незаметной, прижимая к груди стопку тяжёлых фолиантов. Моя форма, обычная для всех, на мне сидела иначе — обтягивала бёдра, собиралась складками на груди. Я уже знала, что это «неправильно».

— О, смотрите-ка, наша Огненная Груша несёт урожай! — раздался за моей спиной звонкий, отточенный голос, от которого кровь стыла в жилах.

Келлан. Он вышел из-за колонны в окружении своей обычной свиты. Его серые глаза, всегда такие живые на лекциях, сейчас светились безжалостной жестокостью.

— Думаешь, если прочитаешь все книги, твоё… наследство… испарится? — он обвёл меня издевательским взглядом. — Увы, милая. Человеческая грязь не смывается знаниями. Она проступает. Как раз через эти самые округлости.

Его друзья сдержанно хмыкнули. Я попыталась пройти, опустив голову, но он ловко шагнул вперёд, преградив путь.

— Серьёзно, Исаэль, — он наклонился ко мне, понизив голос до интимного шёпота, но который был слышен всем вокруг. — Твоя мать — Хранительница. Ты — позор семьи. Как ты с этим живёшь? Не сгораешь от стыда, когда видишь себя в зеркале?

В тот день он был особенно изобретателен и жесток. Может, ему накануне сделали выговор, или просто было скучно. Он выливал на меня весь язвительный яд, копившийся в его избалованном сознании, а я стояла, сжимая книги так, что корешки трещали, чувствуя, как по щекам ползут предательски горячие слёзы. Это только раззадоривало его.

— О, смотрите! Она ещё и плачет! — воскликнул он с фальшивым ужасом. — Наверное, от жалости к нам, что нам приходится на это смотреть. Не плачь, Груша. Может, тебе найдут кого-нибудь… попроще. Какого-нибудь конюха. Он твои формы оценит.

Хохот, острый и колкий, пронзил меня насквозь. В тот момент я ненавидела его всем сердцем. А ещё... желала исчезнуть. Провалиться под землю. Перестать существовать. Ведь мне нигде не будет места...

***

Я проснулась от собственных рыданий, и забилась в подушку. Щёки были мокрыми, в горле стоял ком. Сердце бешено колотилось, выбивая ритм старого, никогда не заживающего унижения. Я лежала в темноте своей спальни в Ивентале, но прошлое было здесь, в комнате, осязаемое и живое, как сам Келлан.

Он был здесь. В нескольких домах отсюда. И хотя он видел сейчас лишь бледную, ничем не примечательную эльфий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.